

Владимир Тайх

Табльдот в Фернее

Евгению Голубовскому, в память о нашей романтической юности, проводнику неофитов в иной, параллельный мир, мир искусства и высокой словесности.

Неделю на удивление теплой швейцарской осени 2005 года мы с женой провели в Фернее, последнем пристанище, вотчине великого Вольтера. Дорога во французский Ферней лежит через Женеву. Наши друзья Недда и Фазиль встретили нас в Базеле ранним утром, а ранним вечером их несколько несовременный по форме, но вместительный синий «Опель» въезжал в паркинг отеля «Citadines», не очень дорогого, но достаточно комфортабельного для не завсегдатая отелей.

Дальше все развивалось стремительно. Через пять минут мы внесли чемодан в номер, через полчаса переоделись после душа и тут же услышали оригинальную мелодию колокола, приглашающего на ужин. Еще через пять минут входим в зал ресторана.

– Это не ресторан, – шепнула Недда, – нет-нет, и тем более не столовая, то, что французы называют *salle à manger*. К сему более подходит имя трапезная, *réfectoire* по-французски. Высокий штиль.

Большой вытянутый зал, деревянные стены и резной потолок темного бука, высокие канделябры стилизованы под свечи. Очень длинный, довольно широкий стол цвета стен, резные массивные стулья с подлокотниками. Места нумерованы, как в партере театра. Против каждого места на столе тканая цветная салфетка, на ней тарелки, вилки, ножи, чашки и бокалы. Островками стоят группы бутылок с вином. Но самое поразительное –

по осевой линии стола ряд удивительных ноу-хау в виде вращающихся деревянных двухъярусных то ли ваз, то ли круглых подносов, на которых располагались блюда с яствами, если продолжить высокий штиль, ну а проще – блюда с блюдами ужина.

– Здесь официантов нет, – объяснила Недда, – поверни вазу, выбери блюдо, это удобно. Никого не проси, не вставай, никуда не иди. Все рядом. Налей мне кьянти.

– Господи! – осенило меня чуть громче, чем это было прилично. – Так это же изобретение нашего дорогого Ильи Ефимовича. У него еще до революции в родных пенатах были такие же приспособления. Зря смеетесь!

– Не фантазируй. Налей себе и жене вина и жди сигнала.

Ровно в семь короткий удар рынды, и в зал вошел плотный старичок, бодро занял кресло в торце стола, встал. Все встали.

– Хозяин, месье Верду... иногда бывает его брат Анри, со-владелец.

– Ха, женоубийца!

– Ты что несешь, Илья?

– Так ведь мы любим и чтим сэра Чарльза Спенсера Чаплина.

– При чем здесь... ладно, потом...

Хозяин всего сего скороговоркой проговорил десяток фраз с прикрытыми очами и сел.

– Молитва, не обращай внимания...

Все сели. С противоположной стороны стола кто-то почти невидимый из-за весьма неяркого освещения произнес нечто.

– Тост...

Все дружно подняли бокалы и сделали почти синхронно «сик!», или «салют», то есть подняли их еще на вершок. Не чокались, это неприлично.

Вино замечательное, местное, из подвалов владельцев. Таким же потчевал более двух веков назад своих гостей владелец мест сих знаменитый Франсуа Аруэ, Аруэ-младший. Именно из этого своего прозвания, переставив буквы, и соорудил он себе известный сегодня каждому школьнику псевдоним Вольтер.

Еда не уступала винам. Салаты, рулеты, соусы, очень мягкая говядина, баранина, мясное и овощное рагу. Всего не перечислишь. Хрустящие багеты, масло и паштеты.

– Ты видишь, все сыры, их разных на столе десятка три, на втором ярусе. Едят их после... в завершение трапезы, хотя каждый волен поступать, как хочет. Никто не делает замечания – это здесь верх неприличия. Разные блюда, разные сыры по правилам требуют соответствующее вино. Фазиль изучал вопрос две недели, после чего мы на это плюнули и пьем то, что больше нравится. Вот, как ты, то присосался к шардоне, то разбавляешь его сотерном. Неплохо, да? Департамент Же и эта вся провинция не лучшие для винограда. Здесь все лозы привиты от лучших из Бордо, Бургундии, долины Сонны. Поэтому, если вслушаешься, они не называют это вино сотерн, говорят а-ля сотерн. Так же а-ля барзак, а-ля шардоне. Понял?

– Понял, Недда, а-ля Мария Козарес...

– Не дразни, многие считают, я очень похожа.

– Ты хороша, но эта рыба... просто объедение... еще немного – и лопну.

– Не выпрыгивай, эта еда очень хорошо усваивается желудком, как бы сильно ни объелся, через час никакой тяжести в животе.

Я давно переглядывался с импозантным французом, сидевшим прямо против меня и несколько раз поворачивавшим того самого механического официанта так, что рекомендуемое им блюдо оказывалось передо мной. Его рука показывала – вот это попробуйте. И это было совсем не плохо.

Сам же он являл в моем понимании идеального иностранца – в идеально на нем сидящем костюме, с идеальной прической «волосок к волоску». В его черных волосах равномерно разбросаны искры, блески седины, а впереди такая знакомая, но давно забытая райкинская седая прядь.

Мирный, теплый, возможно, от вина, рокот общих разговоров прерывался нечастыми тостами по предложению сидящего во главе стола. Мой визави внезапно встал и, держа бокал за тонкую ножку, произнес тост прекрасно поставленным голосом и отчаянно грассируя на манер Мирей Матье.

– Скажешь тоже, картавит! На французском это такой же шик, как nasal pronunciation (носовой говор) у англоязычных. Ни в какой школе его не получишь. Это настоящий француз, аристократ в сотом поколении.

Для еды не осталось места в чреве. Вино заедали сырами, дегустировали. И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Недду позвали к хозяину, она вернулась и, прямо глядя мне в глаза, изрекла:

– Хозяин просит тебя выступить. Он подаст сигнал через 3-4 минуты. Это идея нашего лощенного француза, это из арсенала их остроумия, пикантная шуточка.

– Шуточка хороша, но что, что я им смогу сказать? На каком языке?

– На русском. И говори что хочешь, все подряд. Они все равно ни слова не поймут. Главное – уверенно. Нет, дорогой, отказаться – самое плохое решение.

Наш красавец француз продолжал стоять у кресла хозяина, положив руку на одну из искусно вырезанных из красного дерева сов, стоящих на спинке кресла.

Взмах кружевного платочка. Это и есть сигнал. Я встал и поднял бокал.

– Уважаемый месье Верду, дамы, господа. От имени своей жены и от себя я сделаю попытку выразить то восхищение, которое мы испытываем от неожиданного нами ужина в вашем великолепном салоне. Изысканные тонкие блюда на столе, изысканное общество в зале. Этот вечер – воплощенная идея Франции. Ужин этот сотворила неподражаемая французская кухня, французское гостеприимство, как и французское хлебо-сольство. Мы узнали, что такое настоящий вкус, умение вести себя, благожелательность, аристократизм. А в этих поворотных устройствах суть и французского остроумия. Мы сидим в этом неярко освещенном старинном зале, наслаждаемся едой и тихой беседой, а за резными барельефами стен в полумраке будто оживают тени предков, не исключено, что и самого великого Вольтера.

Тепло вашего общества мы увезем с собой, в нашу холодную, но прекрасную Москву. Хочу закончить по-французски.

Vive la France, vive la douce Ferney, vit vides en nous la mémoire de la grand fils de la France – Voltaire.

Последовали довольно бурные аплодисменты. Вот так французы! Ни слова будто бы не понимающие по-русски.

Умница Недда объяснила технологию произошедшего:

– Чертов француз переводил речь хозяину, тот жидко трижды похлопал, толпа сигнал поняла правильно.

Я тоже не лыком шит. Задумал речь из одной фразы, написал на салфетке:

– Да здравствует Франция, да здравствует милый Ферней, пусть живет в нас память о великом сыне Франции – Вольтере.

Положил записку перед Неддой:

– Выручай, быстро переведи на французский...

– Потрепись немного, уже пишу.

– Ну что, пройдемся, подышим?

– Ясно, милому Фазилю очень захотелось пива.

– Лично в меня пиво не вольешь, заполнены все закоулки несчастной утробы. Думаю, у Фазила тоже.

– Думай что хочешь, но для парочки кружек холодного мартовского я всегда оставляю резерв.

– Господи, какая дивная прохлада, какой изумительный аромат у здешнего, не воздуха, а коктейля ароматов.

– Тебе не зябко, Люсенька?

– Что ты, Недда! После слегка накуренного зала и количества съеденного эта прохлада так приятна и, как говорит мой муж, желанна.

– Ваш муж говорит прекрасно, – послышалось со скамейки из зарослей кустов.

Вот так красавец француз! Наш рафинированный француз.

– Извините, я еще не представился. Алексей Алексеевич Бобринский.

– Ого!

– Эта ваша вторая реплика, по которой я нахожу в вас родственную душу, то редкое, особенно в наше время, явление. Не сомневаюсь, что вы угадаете и первую.

– Начинаю догадываться. О женоубийце, Анри Верду.

– Прекрасно. А вот мой ответ на ваш пока не прозвучавший вопрос, дорогой Илья Максимович. Я специалист по фундаментальной

фонетике и франко-русским культурным отношениям XVIII столетия, еще и пилот-любитель.

– Теперь понимаю, почему вас питает воздух Фернея, хотя ваша великая пра-пра-пра символ, дух истинного Санкт-Петербурга. Наверное, теперь для историков настала просто счастливая пора изучения ее переписки с умницей Вольтером?

– Для людей с желанием докопаться любое время счастливое. Письма Аруэ у вас частично утеряны, ответные же, представляющие меньший интерес, в полном порядке в архивах Франции. А вот в чем нам действительно повезло, все основные мысли Вольтера великая бабуля излагала в письмах ко второму своему адресату.

– Даламберу?!

– Да, Жану Лерону д'Аламберу, энциклопедисту, философу и математику. Он, как известно, отказался от предложения государыни работать в России.

– Зря. Сейчас бы считался, как Эйлер, великим русским физиком, математиком и автором русской энциклопедии.

– И вы, Илья, меня крайне заинтересовали.

– Рассчитываете получить от меня секреты космической техники?

– Вопрос действительно космический. Я видел ваш паспорт, он и сейчас в регистратуре. И был поражен.

– Я похож на Жерара Филипа? Может, на Алена Делона?

– Вы лучше их, вы родились в один день со мною, в тот же месяц и тот же год.

– Значит, у нас общий гороскоп. За это надо бы выпить.

– Непременно. Лучшего коньяка. И я веду всю вашу компанию к Жерару. Но не Филипу. Мы родились почти в одной стране. Вы в Одессе, я в Ревеле. В то время уже Таллине. Воссоединение с великой Россией (СССР) застало нашу семью в городе Лондоне, затем мы переехали к родственникам в Париж. Видели и немцев, и войска союзников, бомбежки и нехватку продуктов. Уверен, вам приходилось претерпевать бдльшие неудобства.

Ну вот, дамы переоделись, и вам вынесли куртку. Вперед, господа! Погребок Жерара в двух шагах.

– После такого ужина каждый шаг подвиг. Через неделю мы не поместимся в легковом автомобиле.

– Боже, Людочка, вам никто не сказал, что табльдот Верду дают лишь один раз в неделю? В воскресенье? В остальные дни довольно пуританский ужин в столовой отеля.

Наши добрые отношения с Алексеем развивались лавиноподобно. Утром он познакомил нас с очень привлекательной дамой.

– Моя жена Галина Юрьевна Ланская. Но называйте ее просто Галà, так я ее назвал, она мой праздник.

Гала вся преобразилась, у нее была изумительная мимика, выражения лица рождали в ней новые неузнаваемые лица. Она становилась очень красивой и очень аристократичной. К этому не сразу привыкнешь.

– А вы знаете, откуда это имя, кто была та, первая Гала?

– Они знают.

– Вы знаете, Алеша был знаком с Еленой Дмитриевной, зимой 1974-го работал у нее в Пуболе, редактировал и приводил ее многочисленные отрывочные записи в божеский вид. Ей было восемьдесят, но она этого не понимала и почти требовала, чтобы Алексей плюнул на рукописи и занялся вплотную их автором, раз она ему платит. Однажды его спас сам Сальвадор Дали, явившийся в замок к жене без ее на то разрешения. Гала была в крайнем раздражении, глаза пылали гневом. Алексей не нашел ничего лучшего, чем манерно поклониться мэтру, стоящему перед ним в пышном камзоле, обшитом золотым галуном, с сотней витых шнуров, отливающих фиолетовым и изумрудным блеском. Ниже камзола только шорты небесного цвета и голые не идеальной формы ноги. Это в декабре-то.

– Поверьте, господин Дали, я занимаюсь только литературной работой.

– И напрасно, Гала изумительна, и имеет право делать все, что ей захочется.

Великий художник выглядел покладистым, даже ласковым. И вдруг глаза его полезли из орбит, искривился рот, казалось, что и усы его встали торчком! У Алеши от такой метаморфозы волосы зашевелились, он испугался и побледнел. Прошла не вечность, минута, Дали резко сменил маску, улыбнулся.

– Вот вы и увидели, каким я позировал для своего известного автопортрета.

Это вся их беседа. Маловато для мемуаров. Алексей ушел в свою комнату, он еще много раз видел Дали, но издалей. Свежий каламбур! Выстреливаю его лишь в четвертый раз.

В этот же вечер в ресторане отеля «Монтре-Палас», окна которого выходят на пылающее желто-синими огнями от неестественно низко висящего над синевой не нашего солнца Женевское озеро, мы с Алексеем выпили на брудершафт. Арманьяк напомнил мне добрый армянский коньяк в добрые времена.

– Ах, друг дорогой, Илья! Видишь того прекрасного мужчину, сидящего в кресле посреди газона?

– Да это статуя! – воскликнула моя жена.

– Это не статуя. Это изумительный старик Владимир Владимирович Набоков, он долгие годы жил в этом отеле, здесь и умер.

Солнце вело себя странно. Оно то вонзало отдельные заостренные лучи в воды, начинающие темнеть, то выстреливало нам в глаза, ослепляя, будто за наши неосознанные прегрешения. Ну все, наконец, успокоилось, ушло!

И вдруг, как трассирующие пылающие снаряды ударили по нашим глазам. И это был последний прорыв, прорыв через амбразуры притаившегося у воды того самого знаменитого Шильонского замка, воспетого Байроном. Мы упали на стулья с ладонями, прижатыми к глазам. Когда желтые пятна на роговице растаяли, встали и помянули несчастного узника Франсуа Бонивара, хотя он вышел отсюда живым и в 40 лет стал пенсионером. Но его обстоятельства ни в коем случае не отменяли достоинства нашего арманьяка, коего литр мы вылакали. Втроем. Гала употребила лишь символическую дозу, ее очередь была вести машину.

– Господи, да какие же вы хорошенькие, просто писанные красавцы! – кричали Недда с Фазилем, увидя нашу упоенную братию. Повезло нам с Алексеем, а то ведь пришлось бы бросить очень выгодную работу для Лионского театра, утром пришла.

– Работа не крак... крак... радил, в Альпы не уйдет. А вот армяньяк... много вы потеряли... зайчики.

– Это мы наверстаем.

Через день:

– Илья, тебе понравилась Лозанна? Все-таки центр туризма, тут Олимпийский музей, сад с редкими растениями... скульптуры.

– Ну конечно, в общем. Город, так сказать... оригинальный, ассоциируется с вертикалью власти... и с другими вертикалями. Хайфа такая же. Хотя Лозанна будет похайфистей. А если начистоту, несмотря на такую необычность, город не кажет лица, тем более души... ну, как тебе сказать, он не раскрыл мне своих объятий. Это не Берн, не Цюрих, не Люцерн, это точно. Интерлакен, поднятый на дыбы.

Для меня это мертвый город. Как я ни старался, не получил от него ни одного живого сигнала. Любви между нами не суждено было вспыхнуть.

Главная для туристов достопримечательность – старинный кафедральный собор. Нужно спуститься в часть города в глубоком ущелье, потом карабкаться на противоположную гору. Пришли, посидели, и здесь оказалось пусто. Храм, который давно покинул Господь Бог. Бесконечно реставрируемая захламленная развалина.

Гала заплодировала:

– Илья, вы подслушали Алешины мысли.

– Да, друг! Но я бы не смог их сформулировать так четко и столь ярко.

Наш новый друг возил нас по Швейцарии две недели. И говорил о том, что показывал. Женева, Веве, Берн, Цюрих, Люцерн. Его рассказы являли кладезь его энциклопедических знаний. От городов он переходил к известным личностям, от них к их философии, литературе, мыслям. В его голове вмещались тысячи судеб и сотни фактов, достижения десятков наук.

И он не просто говорил, он являл великую русскую речь. Он говорил прозой, как мольеровский Журден, но это была настоящая

проза, проза больших писателей. В рассказе этом я намеревался пересказать почти все его лекции и умопостроения. Но не сразу, хотя и вовремя понял, что это невозможно. Это было бы профанацией, искажением не только сути, но и формы.

Мы снова промчались мимо бронзового Чаплина рядом с огромной вилкой, с силой воткнутой в воду Женевского озера. Порадовались – это не наш идиотизм, и в просвещенной Европе его достаточно. И памятник этот не памятник прожившему здесь 25 лет и умершему здесь же великому Чарльзу Спенсеру Чаплину. На уровне земли, не на постаменте маленькая черненькая скульптура смешного бродяги, не гениального актера, а его героя. Подобных памятников Чарли не один десяток.

Яркому уникальному человеку однообразные тусклые памятники.

Попрощались в Базеле. После этого Алексей с Галиной, иногда без Галины подолгу жили у нас в Москве, мы у них в Париже на бульваре Эдгар Кине, рядом с метро Распай. Наконец, мы вместе отметили наш 70-й год рождения, в Москве, в нашей тушинской квартире.

Алексей обожал русскую кухню в исполнении «очаровательной Люсьи».

– Я готов душу продать симпатичному дьяволу женского рода в обмен на хрен к запотелой рюмке водки, обожаю бефстроганов, голубцы, вологодские щи из свежей капусты, салат оливье в классической рецептуре, умопомрачительную икру из баклажанов, борщ родом из Одессы и замечательную «шейку» из региона черты оседлости. Как это, забыть стертую черту? Как в песне, и Сибирь, и Бердичев тоже русская земля. Ах, Бердичев, фаршированная щука, фаршированный перец. А каша! Заварная в чугушке манная каша! Коричневая, рассыпчатая, крупинка к крупинке.

О-о! Если это и есть манна небесная, готов сорок лет слоняться с такими же обжорами по любой пустыне. В шортах и с ноутбуком на плече.

В письме-поздравлении с Новым 2011-м годом Алексей в который уже раз обсуждал с Люси меню банкета на наши 75 лет, теперь в Париже, в их просторной квартире, одна сте-

на которой, двигаясь на роликах, соединяет две комнаты в зал значительных размеров. Гости лишь князья и графы, русские аристократы Парижа и Ривьеры. Для нас заказаны визы на весь февраль и март.

А третьего января их не стало, они исчезли, испарились, просто превратились в белое облачко. Их не искали. Собрали обломки одиннадцати машин и даже не подумали, что в том плотном рулоне из листов железа, бывшими ранее «Пежо 407» изумрудного цвета, может находиться кто-либо.

Они торопились в Париж, миновали Авиньон, скорость была предельная. И несчастье не заставило себя ждать. Алексей даже не успел сделать рывок, чтобы попытался уклониться от тяжелого мотоцикла, на бешеной скорости выскочившего на встречную полосу. «Пежо» с огромной скоростью покатился по бетону, вращаясь вокруг продольной оси, затем по нагромождению валунов в ущелье. На них упали еще две машины. Ужасная, но мгновенная смерть.

Их искали в горной речушке, искали между каменных глыб. Приехавшие к месту катастрофы сыновья Павел и Алексей в кровь сбили ноги и руки. Родителей не было ни среди живых, ни среди полуживых, ни среди мертвых. И только на день десятый, когда собрали на поляне все обломки трагедии, дети предположили, что закатанное с невероятной силой железо может быть их машиной. Листы разгибали вручную и резали виброножницами. И вот два слесаря, отличные парни, увидели такое... и закричали, чтобы увели сыновей...

Обо всем этом рассказал Алексей-младший, сорокалетний доктор физики из института Бора. Он позвонил нам в Москву и целый час, сбиваясь, то замолкая, то переходя на шепот, на скороговорку, говорил и говорил, будто в полузабытьи. Он был маминым сыном, и когда рассказ касался Гала, что-то похожее то ли на стон, то ли на петушиный крик вырывалось из его горла.

Я сказал, что мы хотели бы проститься с погибшими, не затрудним ли этим их, занятых траурной церемонией? Это говорить не надо было. Алексей вдруг заговорил очень быстро по-французски и не своим, очень высоким голосом. Потом:

– Кому, кому сказать «прости», кого поцеловать?

Мы прилетели в Париж через месяц. Встречал Павел Алексеевич, красавец с русой бородой. Рассказал, что родственники отца настаивали на выборе кладбища Монпарнас, это прямо против дома, где жили папа и мама, но Ланские убедили упокоить их на Сент-Женевьев-де-Буа, в родовом склепе Ланских. Им теплее будет среди русских, на русской фактически земле. Особенно после того, что Россия взяла на себя аренду всей огромной русской части территории кладбища. А дом на бульваре Кине решили продать, в нем никто не решится жить, это выше наших сил.

Дорога до города Сент-Женевьев-де-Буа заняла больше часа. Павел вынул из багажника огромный ключ на стальной потертой цепи, и мы пошли. Через белую прелестную церковь вышли к могилам, путь был неблизким. Старинный склеп, на окнах кованые решетки с золотыми наконечниками.

– Ваши роскошные розы дальше не несите, пусть они останутся здесь, в этой чугунной вазе, в нее стекает дождевая вода.

Два полированных гроба соединены золоченой ажурной радугой. На ленте не узоры, буквы.

– Что написано там?

– Это латынь. «Как и святые Петр и Феврония, они жили долго и счастливо и умерли в один день». Это из Библии.

– Теперь я покажу вам могилы известных миру замечательных русских людей, нашедших упокоение на этой земле. Какие имена! Половина русской истории XX века. Вы помните, какой сегодня день?

– Да, день семидесятипятилетия вашего батюшки, незабвенного нашего друга Алексея Алексеевича Бобринского, ученого, радетеля русской словесности.

– Я заеду за вами в отель через два часа. Немного отдохните, примите душ, мы приглашены к Ланским, традиционно отметим... нет, это не поминки, отметим папин день рождения. Вы скажете несколько слов?

Я сказал.

– Господа, я постараюсь уложиться в отведенные пять минут. А нашей дружбе с Алексеем и Гала исполнилось лишь пять лет. И все это время я восхищался речью Алексея, его уникальными

знаниями, выправкой, красотой, умением держать себя и просто нечеловеческой трудоспособностью. Его кумирами были русские Толстой и Достоевский, Пушкин и Чехов, Бабель, Булгаков, Маяковский, Пастернак. Среди французов особую любовь он питал к Вольтеру, и нам понятно это пристрастие.

Историческая наука навечно обязана Алексею Алексевичу Бобринскому восстановлением и систематизацией переписки великого Вольтера с императрицей Екатериной II, капли крови которой и в его жилах.

Вольтер, человек могучего интеллекта, транслировал своей респондентке не одну сотню тонких наблюдений и парадоксальных мыслей. И все же со временем дошел до того, что самыми важными для человечества являются самые банальные умозаключения.

Императрица излагает эту мысль в письме к Дидро, он соглашается, называет главным свойством человека цивилизованного и наделенного интеллектом иронию и нетривиальное отношение ко всему, происходящему в мире. Убогая логичность в рассуждениях о коллизиях житейских выдает примитивизм умственного склада.

Вольтер вносит поправку в сентенцию энциклопедиста, и существенную – не ирония, а самоирония важнейшее качество достойного человека. Утративший сие качество, равно как и его не имевший ранее, представляет собой тупого надутого индюка, годного разве быть зажаренным к рождественскому столу.

Свойственно это вельможам, а более тем, кто почитает себя вельможей. И это верно не только для XVIII века.

Алексей рассказывал о бывших друзьях, в молодости открывших для него не один аспект культуры и искусства, за что он благодарил и ценил их. Шли годы, он занимался творчеством, они, мэтры смолоду, заняли руководящие посты не так в литературе, как в издательском бизнесе. Они уже не изготовители, они оценщики и скупщики. Способность оценивать творческую работу другого со временем падает, в такой же пропорции растет гонор, следствие потери самоиронии и гигантского роста синдрома самоуважения, не допускающего и намека не только на критику, но даже на обсуждение мнения «не Его».

В 1731 году Вольтеру присуждено было первенство в странном поэтическом турнире за поэму «Генриада». Через годы литературный критик N спросил у него:

– Месье Аруа, не так давно, в 1731-м году, в Парижском турнире участвовало 300 поэтов. Мне из них известны лишь восемь. Куда делись неудавшиеся поэты?

– Стали литературными критиками.

